

УДК 902.94

DOI 10.46698/VNC.2021.64.68.001

В.(Х.)Т. Чшиев

М.Ч. Чшиева

Владимир Таймуразович Чшиев

Центр скифо-аланских исследований ВНЦ РАН, старший научный сотрудник, кандидат исторических наук, Россия, Владикавказ,

Мая Черменовна Чшиева

Горский государственный аграрный университет, доцент кафедры истории и философии, кандидат исторических наук, Владикавказ, Россия, e-mail: hacht@mail.ru.

«Верхняя Рутха» / «Кумбулта» – погребальный памятник кобанской археологической культуры в Дигорском ущелье Центрального Кавказа. Новые данные по обряду захоронения

Аннотация. В статье рассматриваются археологические материалы, обряд захоронения, погребальные сооружения Верхнерутхинского / Кумбултского некрополя кобанской археологической культуры, расположенного в высокогорной части Ирафского района РСО-А, приводятся новые данные по элементам погребальной обрядности населения, оставившего этот памятник.

Ключевые слова: эпоха бронзы – раннего железа Кавказа, кобанская археологическая культура, Верхнерутхинский / Кумбултский и Адайдонский некрополи, новые данные к погребальному обряду.

Vladimir T. Chshiyev

Centre for Scytho-Alanic Studies of VSC RAS, Senior Researcher, Ph.D., Russia, Vladikavkaz, e-mail: hacht@mail.ru.

Maya Ch. Chshieva

Gorsky GAU, Department of History and Philosophy, Associate Professor, Ph.D., Russia, Vladikavkaz, e-mail: hacht@mail.ru.

«Upper Rutkha» / «Kumbulta» - funerary monument of the Koban archaeological culture in the Digor gorge of the Central Caucasus. New data on the burial rite

Abstract. The article examines archaeological materials, burial rite, burial structures of the Verkhnerutkhinsky / Kumbulta necropolis of the Koban archaeological culture, located in the mountainous part of the Irafsky district of the RNO - Alania, provides new data on the elements of the funeral rite of the population that left this monument.

Keywords: The Bronze Age - Early Iron Age of the Caucasus, Koban archaeological culture, Verkhnerutkhinsky / Kumbulta and Adaydon necropolises, new data on the funeral rite.

Повышенный интерес к материалам кобанской археологической культуры Кавказа, имевший место со времени обнаружения Верхнекобанского могильника и публикаций о первых находках, стимулировал научные раскопки новых кобанских памятников и ввод их материалов в научный оборот. Однако это повышенное внимание к памятникам кобанской культуры имело и негативную сторону. Ажиотаж вокруг «кобанских древностей» стимулировал массовые грабительские раскопки могильников Кобани и широкую продажу выдернутых из археологического контекста внекомплексных находок частным лицам, организациям, российским и иностранным музеям. Извлеченный из захоронений без фото и графической фиксации, разрозненный, часто даже без указания на точное место обнаружения, этот погребальный инвентарь в виде

красивых «древностей» в это время продавался и перепродавался. Примечательны в данном плане свидетельства современников и исследователей-кавказоведов. По данным А.П. Мошинского, «в конце XIX века были обнаружены и в значительной степени ограблены дигорские могильники... у сел Галиат, Камунта, Кумбулта, Лезгор и Донифарс» [5, с. 8]. «Материалы кобанской культуры VII–IV вв. до н. э. в достаточно большом количестве происходят из уничтоженного Б. Дзелиховым могильника Фаскау, расположенного в селе Галиат в верховьях реки Сонгутидон» [7, с. 24]. Описывая случаи грабительских раскопок в западной части горной Осетии, А.П. Мошинский особенно выделяет деятельность жителя села Камунта Бегизара Дзилихова, которому принадлежит «пальма первенства в грабеже древних памятников» Дигории. «Смешанные

Рис. 1. Могильник Верхняя Рутха (Кумбулта) (по Э. Шантр, 1885)

коллекции из ограбленных дигорских могильников заполнили музеи мира. Только в Государственном Историческом музее коллекция вещей, купленных у Б. Дзелихова, составляет около четырех тысяч предметов» [5, с. 8]. Информацию о разграблении местными жителями могильников в Дигории приводит и академик Вс.Ф. Миллер в своем очерке «В горах Осетии», описывая свою поездку в горную Осетию летом 1880 года. В сел. Камунта, уже зная о массовом грабеже обширного могильника, расположенного у этого села, Вселовод Федорович осведомился у местных жителей, «нет ли вновь выкопанных старых вещей. Оказалось, что есть, но немного. Мне принесли, – говорит Миллер, – глиняный кувшин, сердоликовые бусы, пряжку бронзовую и три железных топорика. Конечно, это было мною куплено» [3, с. 348]. И далее ученый пишет: «За принесенный мне в Камунта череп я предложил отыскавшему его абаз (20 коп.), но он вместо денег попросил несколько приемов хинина, который им очень трудно достать» [3, с. 367–368].

Одним из обширных, интересных памятников кобанской культуры, разделившим печальную судьбу выявленных и в массе своей разграбленных в

конце XIX – самом начале XX вв. могильников Осетии-Иристона, является некрополь Верхняя Рутха, иногда называемый в специальной литературе Кумбулта, Хоргон и Стыр Царциат. Некрополь находился в Дигорском ущелье, в верховьях р. Урух в высокогорной части современного Ирафского района РСО-А, близ с. Кумбулта, на мысу, носящем название Верхняя Рутха

Первые раскопки археологами были проведены здесь в 80-х гг. XIX в. экспедициями К.И. Ольшевского и в особенности В.И. Долбежева. Благодаря им были определены особенности погребального обряда, могильных сооружений, получен исключительный по своим художественным качествам и научной ценности погребальный инвентарь.

Позднее, уже в советское время, в 1937, 1938 и 1940 гг. экспедицией Государственного исторического музея, Института истории материальной культуры АН СССР при участии «...Северо-Осетинских научных учреждений» под общим руководством Е.И. Крупнова были проведены, по всей видимости, наиболее масштабные научные раскопки этого интересного памятника с целью найти и исследовать нетронутые захоронения. За три полевых сезона объединенной

экспедицией под руководством Е.И. Крупнова «была вскрыта площадь более, чем в 400 кв. м, иногда на глубину до трех метров» [2, с. 218].

Непотревоженных захоронений обнаружить не удалось, но по топографическим, стратиграфическим и другим признакам Е.И. Крупнов выделил в процессе раскопок 20 комплексов, которые он рассматривал как «остатки отдельных могильных инвентарей некогда разрушенных и ограбленных могил... включая и один клад бронзовых вещей» [25, с. 218].

Интерес к могильнику Верхняя Рутха в среде научного общества не ослабел и в следующие десятилетия. В 1971 г. территорию могильника посетили с целью археологических разведок ленинградские и московские исследователи Л.Г. Нечаева, В.В. Кривицкий и Н.Л. Членова. В 1974 г. этой же группой исследователей на

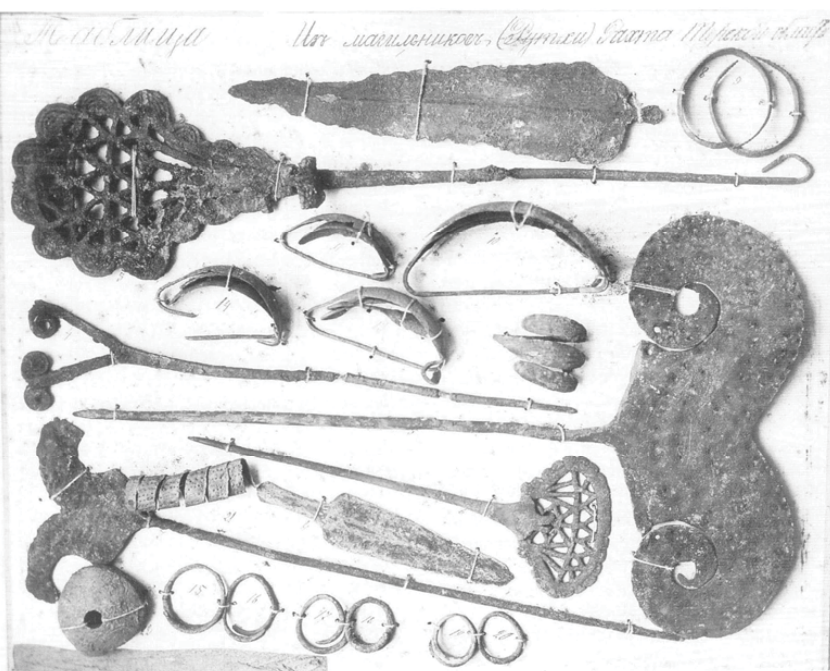

Рис. 2. Планшет с нашитыми предметами из могильника Верхняя Рутха. Фотография конца XIX в. Берлинский музей. Материалы раннего периода функционирования бытования некрополя

территории могильника, при разведке средневековых склепов на глубине свыше 1 м от современной поверхности, был обнаружен золистый слой толщиной до 40 см с кальцинированными человеческими костями, обломками украшений, керамики кобанского времени. Примечательно, что этот слой залегал на обожженной скальной основе. По мнению Л.Г. Нечаевой, В.В. Кривицкого и Н.Л. Членовой, ими была обнаружена и исследована коллективная гробница – «крематорий» [6, с. 209–210].

Еще один тип гробниц на этом могильнике был выявлен раскопками экспедиции А.П. Мошинского в 1985–1986 гг. Гробницы представляли собой квадратные грунтовые ямы, заглубленные в материковую глину, со стенами, надстроенными камнем. Все 4 гробницы, исследованные А.П. Мошинским, были потревожены, внутри сохранились лишь кремированные останки людей и керамическая посуда [4, с. 80].

Датируется памятник, на основе специальных исследований А.П. Мошинского и В.И. Козенковой, от середины 2 тыс. до н. э. – до сер. 1 тыс. до н. э. [5, с. 80; 1, с. 148]. Эти даты подтверждаются и материалами Верхнекобанского, Тлийского, Галиатского и других могильников, нашими раскопками в Зарамагской котловине (Адайдонский некрополь), а также, для раннего этапа, – перекрестными датами могильников Нули и Квасатали и др.

Высокохудожественные украшения, предметы вооружения, выполненные из бронзы и железа хорошего качества, аксессуары костюма и т. д. из захоронений в Верхней Рутхе не только в массовом порядке поступали в фонды Государственного

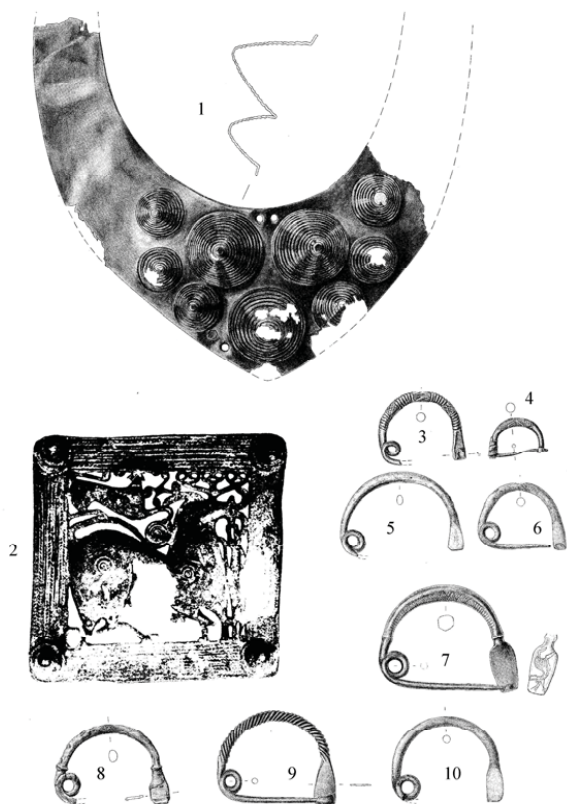

Рис. 3. Предметы эпохи Классической Кобани и позднекобанского периода из некрополя Верхняя Рутха (Кумбулта). 1–7 – по И. Мотценбеккер, 1996; 7 – по П.С. Уварова, 1900

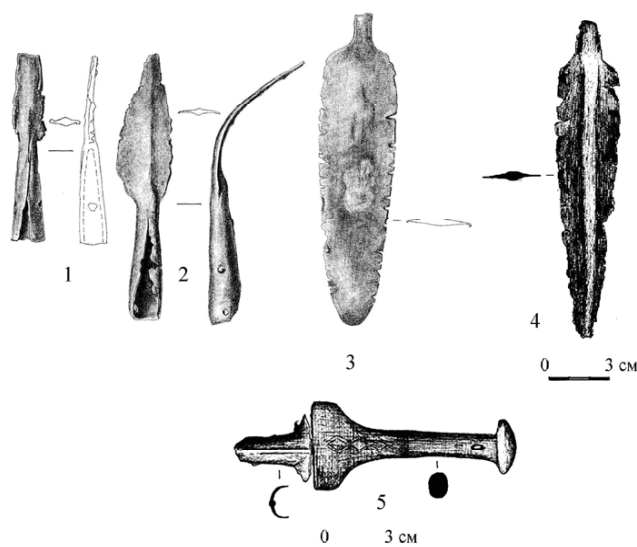

Рис. 4. Предметы со следами намеренной деформации. 1–3 – В. Рутха; 4–5 – Адайдон

Эрмитажа и Государственного исторического музея в Москве, но и в заграничные музеи. В частности, наиболее многочисленная коллекция погребального инвентаря Рутхинского могильника, в количестве более 2 000 предметов, была продана в 1903 г. за 4 000 рублей Берлинскому музею древней истории. В эту «коллекцию» входили, в большинстве своем, известные уже по материалам из Рутхи, хранящимся в ГИМе и Эрмитаже, следующие категории погребального инвентаря: оружие (топоры, наконечники копий, наконечники дротиков, кинжалы, ножи); орудия труда (шилья, серп, пряслица); принадлежности конской упряжи (удила, псалии, пектораль, колокольчики, бляхи для украшения ремней); украшения и аксессуары костюма (булавки, фибулы, поясные пряжки, подвески, привески, серьги, браслеты, гривны, пуговицы) и др. Сравнительный анализ этих артефактов с материалами наших раскопок в Зарамагской котловине на Адайдонском могильнике показал, в подавляющей массе, аналогичность погребального инвентаря этих двух интересных памятников. Аналогичны и даты бытования могильников. Как и Адайдон, В. Рутха проходит все стадии бытования кобанской культуры: от периода Кобан 1 (рис. 1) до позднекобанского времени (период Кобан 4), через фазу Классической Кобани (рис. 3).

Несмотря на то, что этот интересный памятник введен в научный оборот уже около 150 лет назад, тем не менее его материалы и сегодня представляют большой интерес для нового взгляда на древнюю культуру Кавказа.

Внимательный анализ инвентаря этого замечательного памятника позволил нам сделать, на наш взгляд, важное дополнение к обрядности Верхней Рутхи. В свое время, в процессе работы с артефактами из Адайдонского могильника, нам попадались предметы – оружие, украшения, аксессуары костюма, с многочисленными следами деформации. Первоначально эти повреждения нам представлялись следствием полученных в результате применения в боевых условиях ударов или разрушений, полученных естественным путем в результате смещения и давления на сопроводительный инвентарь покровных плит и валунов стенок гробниц, многовекового балласта из дресвы черного сланца и делювия и т. д. Однако более внимательное рассмотрение этих предметов, в том числе и с помощью приборов оптического увеличения, показало, что характер имеющихся повреждений исключает эти предположения, и повреждения нанесены намеренно и методично рукой человека. Таким образом, был зафиксирован новый, неизвестный ранее в памятниках кобанской культуры элемент обрядности – обряд намеренной порчи сопроводительного инвентаря при захоронении, или так наз. «обряд умерщвления предметов» [8, с. 23]. Этот обряд известен для ряда памятников, как эпохи ранней бронзы, так и раннего средневековья, в частности – в ряде катакомб аланской культуры II–IV/V вв. н. э. Северного Кавказа. В материалах кобанской культуры он зафиксирован впервые. Приемы нанесения повреждений следующие: это затупление лезвия ударами твердого орудия (на кинжалах, ножах), косые насечки на режущей кромке предметов острым орудием или оружием (на наконечниках копий, дротиков, кинжалов), завальцовка (режущей кромки ножей и кинжалов), резкое изгибание предметов вооружения или их заостренных концов (кинжалы, копья) (рис. 5). Рассмотрение инвентаря рутхинских погребений под этим углом зрения показало, что аналогичный характер повреждений присущ и ряду ранних материалов могильника Верхняя Рутха (рис. 4, 1–3).

Рис. 5. Наконечник копья из гробницы № 116 Адайдонского могильника

Эта особенность в обрядности ранних захоронений Адайдонского и Рутхинского некрополей позволяет провести еще одну очень важную параллель между памятниками Западной и Центральной Осетии – теперь уже в погребальном обряде. Для Рутхи показателен в данном плане бронзовый кинжал с черешковой рукоятью, на котором имеются более 30 поперечных насечек (рис. 4, 3) [9, с. 237]. Эти насечки нанесены намерено рукой человека (как и на Адайдоне) и характерны, как отмечалось выше, для древнего обряда «умерщвления

предметов», предназначенных для помещения в погребения в качестве погребального сопроводительного инвентаря. Кинжал аналогичной формы с такими же повреждениями был нами зафиксирован и среди ранних захоронений Адайдонского некрополя (рис. 4, 4). Кроме того, к таким же намеренно деформированным предметам вооружения, помещенным затем в рутхинские погребения, относятся два бронзовых наконечника копья, ныне хранящиеся в Берлинском музее древней истории (рис. 4, 1–2).

ЛИТЕРАТУРА

1. Козенкова В.И. Культурно-исторические процессы на Северном Кавказе в эпоху поздней бронзы и в раннем железном веке (Узловые проблемы происхождения и развития кобанской культуры). – М.: ИА РАН, 1996. 162 с.
2. Крупнов Е.И. Древняя история Северного Кавказа. – М., 1960.
3. Миллер В.Ф. В горах Осетии. – Владикавказ, 1998.
4. Мошинский А.П. Исследования могильника Верхняя Рутха // Археологические открытия 1985 года. – М., 1987.
5. Мошинский А.П. Древности горной Дигории VII–IV вв. до н. э.: систематизация и хронология: диссертация... канд. ист. наук: 07.00.06. М., 2004.
6. Нечаева Л.Г., Кривицкий В.В., Членова Н.Л. Крематорий могильника Верхняя Рутха в Северной Осетии // XVI Крупновские чтения по археологии Северного Кавказа. Тезисы докладов. Ставрополь // Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа. Вып. VIII. «Крупновские чтения: 1971–2006» / Гл. ред. А.Б. Белинский. – М.: Памятники исторической мысли, 2008. С. 209–210.
7. Цуциев А.А. Академик Всеволод Миллер и галиятский писарь Илья Дзилихов (Из истории становления археологии в Осетии) // Родина. № 2. – М., 2011.
8. Чшиев В. Т. Обряд «умерщвления» предметов в материалах Адайдонского некрополя // Вестник Владикавказского научного центра РАН. № 3. Владикавказ, 2021. С. 23–25.
9. Motzenbäcker I. 1996. Sammlung Kossnierska. Bestandskataloge. Band 3. Berlin: Museum für Vor- und Frühgeschichte, 1996. 294 s.

REFERENCES

1. Kozenkova V.I. Cultural and historical processes in the North Caucasus in the Late Bronze Age and in the Early Iron Age (Nodal problems of the origin and development of Koban culture). M.: - IA RAS, 1996. - 162 p.
2. Krupnov E.I. Ancient history of the North Caucasus. - M., 1960
3. Miller V.F. In the mountains of Ossetia. Vladikavkaz, 1998.
4. Moshinsky A. P. Studies of the Upper Rutha burial ground // Archaeological discoveries of 1985. M., 1987.
5. Moshinsky A.P. Antiquities of the mountain Digoria of the VII - IV centuries BC: systematization and chronology: dissertation... Candidate of Historical Sciences: 07.00.06. M., 2004.
6. Nechaeva L. G., Krivitsky V. V., N. L. Member. Crematorium of the Upper Rutha burial ground in North Ossetia // XVI Krupnov readings on the archeology of the North Caucasus. Abstracts of reports. Stavropol // Materials on the study of the historical and cultural heritage of the North Caucasus. Vol. VIII. "Kropkowski read: 1971-2006" / GL. edited by A. B. Belinsky. - Moscow: Monuments of historical thought, 2008. - P. 209 - 210.
7. Tsutsiev A. A., Academician Vsevolod Miller and Galitski clerk Ilya Zelikow (From the history of the development of archaeology in South Ossetia) // Rodina. No. 2. - M., 2011.
8. Chshiev V. T. The rite of "mortification" of objects in the materials of the Adaydon necropolis // Bulletin of the Vladikavkaz Scientific Center of the Russian Academy of Sciences / Ed. by G. P. Selivestrov. No. 3. - Vladikavkaz, 2021. pp. 23-25.
9. Motzenbäcker I. Sammlung Kossnierska. Bestandskataloge. Band 3. Berlin: Museum für Vor- und Frühgeschichte, 1996. - 294 S.